

ОТЗЫВ

официального оппонента

Семенова Игоря Никитовича доктора психологических наук, профессора; профессора департамента психологии института педагогики и психологии образования Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», на докторскую диссертацию Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.», представленную в диссертационный совет Д 002.016.XX (24.1.110.02) ФГБУН «Институт психологии РАН» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Диссертация Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.» является масштабным историко-научным исследованием, предпринятым с целью изучения периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии.

Текст диссертации в полной мере позволяет судить о форме и содержании проделанной автором работы, а также об актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости проведенного исследования.

Об **актуальности** диссертационного исследования свидетельствует тот факт, что в течение всего постсоветского периода в российской историографии не было работ, в которых советская психология рассматривалась бы как непосредственный предмет исследования, как центральная проблема историко-психологического исследования.

Научная новизна и теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в выдвижении и апробации концептуально-историографического подхода. В рамках данного подхода, суть которого состоит в проведении детального историографического анализа на концептуальном уровне, была сформулирована и апробирована на конкретном историческом материале 1920-1930-х гг. авторская историографическая концепция, в соответствии с которой советская психология трактуется как определенное научное направление, возникшее в СССР в период 1920-1930-е гг. под воздействием марксизма на основе результатов и достижений психологической науки того времени в процессе трансформации от субъективной и объективной психологии к психологии марксистской (в 1920-е гг.), а затем (в 1930-е гг.) от марксистской психологии – к психологии советской.

Практическая значимость исследования вытекает из полученных результатов и выводов, которые являются важным шагом на пути создания полного, методологически и эмпирически обоснованного представления о периоде 1920-1930-х гг. истории советской психологии и истории отечественной психологии в целом. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании психологии, прежде всего в учебных курсах по истории психологии и общей психологии.

Структура диссертации. Диссертация состоит из «Введения», семи глав, «Заключения» и «Библиографического списка» (994 источника, из них 69 иностранных). Общий объем диссертации – 513 страниц. Во «Введении» указывается актуальность и степень изученности темы исследования, описываются объект, предмет, цель, задачи, гипотеза и методология исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость работы.

Общая логика и этапы исследования хорошо прослеживаются уже по названиям семи глав, составляющих основное содержание диссертации. Наиболее существенными моментами в каждой из глав, с нашей точки зрения, являются следующие.

В первой главе речь идет о «проблемном поле современной отечественной историографии истории советской психологии». Наиболее важным результатом в первой главе нам представляется вывод о том, что «проблемы, в совокупности образующие проблемное поле

современной отечественной историографии истории советской психологии, носят, во-первых, эмпирический характер, что, прежде всего, проявляется в отсутствии полноценной базы данных и целостного представления о советской психологии и ее истории; во-вторых, методологический характер (налицо недостаточная разработанность теоретико-методологического инструментария – подходов, концепций, принципов и методов, – необходимого для всестороннего изучения истории советской психологии); в-третьих, историографический характер (до сих пор слабо изучена не только зарубежная, но и отечественная историография истории советской психологии)».

Фактически перед нами раскрываются проблемные участки и, соответственно, ключевые пункты программы дальнейших исследований истории советской психологии.

Вторая глава посвящена «конкретным источниковедческим и историографическим проблемам изучения периода 1920-1930-х гг. истории советской психологии». В этой главе особую ценность имеет вывод, в котором указываются одиннадцать принципов авторского подхода: «В соответствии с развиваемым в диссертации концептуально-историографическим подходом история советской психологии изначально понимается как история “большая”, деидеологизированная, активная, интеллектуальная, объяснительная, единая, непрерывная, последовательная, системная, историографически обоснованная и концептуально оформленная».

О том, как работают эти принципы, мы можем судить по общей логике, применяемым в диссертации методам и представленным в тексте диссертации результатам.

В третьей главе проводится историографический анализ «советской историографии истории советской психологии». Здесь главный вывод выражается в тезисе о том, что «в советский период (в 1920-1980-е гг.) ведущими отечественными психологами (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и др.) – к середине 1970-х гг. была сформирована историографическая концепция, описывающая генезис, содержание и функционирование советской психологии как “особой науки”».

Мы полагаем, что экспликация С.А. Богданчиковым понятия «особая наука» является одним из существенных авторских достижений.

В четвертой главе анализируется «постсоветская и современная российская историография истории советской психологии». Главный результат в четвертой главе состоит в доказательстве наличия в рассматриваемый период определенной историографической концепции – в данном случае концепции советской психологии как «репрессированной науки». Автор делает вывод, что «в постсоветский период в отечественной историографии (в работах А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и др.) произошел отказ от трактовки советской психологии как “особой науки”. История советской психологии стала описываться главным образом как история “репрессированной науки”».

Думается, мы находимся в самом начале пути в изучении этой принципиальной методологической трансформации, произошедшей в отечественной историографии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в постижении ее смысла и значения для современных историко-психологических исследований.

Также следует отметить, что в четвертой главе содержится описание и обоснование авторской историографической концепции становления советской психологии как научного направления, в связи с чем здесь дается общая характеристика шести основных теоретических (общепсихологических) направлений и входящих в них научных школ, в совокупности образующих психологическую науку в СССР в период 1920-1930-х гг.: субъективная психология (школа Г.И. Челпанова), религиозно-философская психология, объективная психология (школы В.М. Бехтерева и И.П. Павлова), марксистская психология (советская психология в узком смысле, представленная школами М.Я. Басова, К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой), психоанализ и психология установки (школа Д.Н. Узнадзе).

Значимость данной классификации направлений и школ в отечественной психологии 1920-1930-х гг. особенно наглядно выступает, если мы посмотрим, как на тот же вопрос о том, что

собой представляла психологическая наука в СССР в 1920-1930-е гг., дается ответ в современной отечественной историографии (в учебниках, монографиях, словарях и т.п.).

В пятой, шестой и седьмой главах на конкретном эмпирическом материале реконструируются основные этапы и тенденции становления советской психологии как научного направления на протяжении периода 1920-1930-х гг.

В пятой главе источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг. раскрываются через анализ тенденции «от психологии субъективной к психологии марксистской». В итоге автором делается вывод о том, что «нарождавшаяся марксистская психология, противопоставляя себя субъективной психологии, на самом деле очень многое взяла от нее путем прямого наследования, а также в ходе многочисленных дискуссий. Это обнаруживается в таких присущих советской (марксистской) психологии чертах, как антиредукционизм, повышенное внимание к философским проблемам психологии, признание особой доказательной роли эксперимента, приоритеты в изучении психических процессов («высших психических функций»), а также удержание и разработка традиционной для психологической науки проблемы сознания. Поэтому у нас есть все основания утверждать, что в 1920-1930-е гг. субъективная психология не была отброшена и не исчезла бесследно. Своими многими важными частями она вошла в марксистскую и затем в советскую психологию».

Благодаря этому выводу для нас становится более понятной специфика исследовательского подхода диссертанта к вопросу о генезисе советской психологии: в качестве исходных источников становления советской психологии как научного направления в диссертации рассматриваются уже имевшиеся на тот момент в психологии школы и направления (прежде всего – объективная и субъективная психология), в то время как марксизм рассматривается не как источник, а как пусть важное, но все-таки не более чем условие этого становления.

В шестой главе источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-е гг. раскрываются через анализ тенденции «от психологии объективной к психологии марксистской». Общий вывод отражает связь и взаимодействие марксистской и объективной психологии: «Как и в случае с субъективной психологией, становящаяся марксистская психология в ходе борьбы с объективной психологией на самом деле многое очень унаследовала от нее. Прежде всего, это выразилось в таких присущих советской психологии чертах, как особое внимание к психофизиологической проблематике, признание роли лабораторного эксперимента, а также выход на проблему деятельности, причем не только через бихевиоризм и понятие “поведение”, но и через “высшую нервную деятельность” в учении И.П. Павлова и “соотносительную деятельность” в рефлексологии В.М. Бехтерева».

В этом выводе обозначена еще одна исследовательская проблема – генезис теории деятельности (деятельностного подхода), что также в перспективе требует глубокого специального изучения.

В седьмой, завершающей главе тенденция «от психологии марксистской к психологии советской» анализируется в ходе историко-научной реконструкции источников, условий и динамики становления советской психологии как научного направления на протяжении 1930-х гг. В результате делается вывод о том, что «в тенденции “от психологии марксистской к психологии советской” также, как и в рассмотренных ранее тенденциях “от психологии субъективной к психологии марксистской” и “от психологии объективной к психологии марксистской”, главным механизмом и ведущей формой перехода от русской дореволюционной психологии к психологии новой (марксистской, затем советской) для психологической науки в СССР в 1920-1930-е гг. являлись дискуссии, которые выступили в качестве средства и механизма не только устранения “отживших свое” оппонентов, но и передачи наследия, сохранения традиции, преемственности и непрерывности исторического развития науки. Таким образом, к концу 1930-х – началу 1940-х гг. советская психология как самостоятельное и самобытное научное направление в психологической науке двадцатого столетия завершила период своего становления».

В этой связи в «Заключении», где описывается общий ход и этапы исследования, делаются выводы и подводятся итоги относительно достижения поставленной цели, решения сформулированных задач и подтверждения положений, вынесенных на защиту, конкретно указывается, что «в конце 1930-х – начале 1940-х гг. советская психология представляла собой совокупность научно-исследовательских коллективов – научных школ, лабораторий, кафедр и институтов, для которых было характерно теоретико-методологическое и организационное единство, что и позволяет говорить о советской психологии как об определенном научном направлении. На уровне научных школ советская психология в конце 1930-х – начале 1940-х гг. была представлена школой С.Л. Рубинштейна и Харьковской школой».

Данный вывод является логическим завершением всего исследования, поскольку именно это и есть ответ на вопрос, что же собой представляла советская психология как научное направление в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

Таковы логика изложения, основные идеи и результаты рассматриваемого труда, в полной мере, с нашей точки зрения, соответствующие требованиям, традиционно предъявляемым к докторским диссертациям – диссертация должна не только ставить проблемы и предлагать их решение, но и открывать широкие перспективы, задавать методологию и направление дальнейших исследований.

Из всего рассмотренного содержания наиболее важное, на что мы в первую очередь обращаем наше внимание при ознакомлении с диссертацией – это весьма широко и целенаправленно применяемый в диссертации историографический анализ. Скажем сразу: для нас рассматриваемое диссертационное исследование интересно, прежде всего, тем, что оно фактически представляет собой **развернутый, детализированный процесс рефлексии**, осуществленной на уровне методологии и эмпирии в области изучения истории психологии (а именно, истории советской психологии).

Нет необходимости специально останавливаться на том, что одна из главных идей диссертации состоит в осуществлении детального историографического анализа в рамках выдвигаемого диссертантом концептуально-историографического подхода. Ведь если убрать из диссертации историографический анализ и полученные с его помощью результаты, то тогда будет совершенно непонятно, в чем, собственно, состоит проблема советской психологии, откуда взялись концепции советской психологии как особой и репрессированной науки и на чем основывается авторская концепция советской психологии как научного направления.

Но что такое историографический анализ? По сути, это изучение изучения истории, то есть, другими словами, рефлексия над тем, что ранее уже было достигнуто другими исследователями. Это не столько непосредственное изучение истории в ходе работы с первоисточниками, сколько размышления над тем, как изучалась история, то есть анализ уже сделанного.

Можно согласиться с автором, выдвинувшим на первый план идею концептуально-историографического анализа. Но как оценить то, что получилось в итоге? Другими словами, насколько правомерным и продуктивным является выдвигаемый в диссертации концептуально-историографический подход, построенный на придании историографическому анализу особой значимости (можно сказать, «первичности»)? Что же, в конечном итоге, вызывает такое особое внимание не к первоисточникам, а к истории вопроса, к совокупности историографических источников?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего следует отметить оригинальность заявленного диссертантом подхода, ибо ничего подобного мы не находим в работах других отечественных исследователей. Действительно, в работах постсоветского периода мы при всем желании не найдем целенаправленного и широкомасштабного исследования творчества (концепций, подходов и т.д.) Б.М. Теплова, А.А. Смирнова, Е.А. Будиловой, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и других советских исследователей истории советской психологии: обращаясь к истории вопроса, исследователи в лучшем случае лишь в самых общих чертах упоминают о работах своих предшественников.

С этой точки зрения показательным, что С.А. Богданчиков, идя в историографическом анализе хронологически, фактически воссоздает историю изучения истории советской

психологии, выделяя в этом процессе определенные периоды и этапы, переломные моменты, констатируя достижения и выявляя нерешенные проблемы. Обратим внимание в этой связи на вывод, который делается в конце первой главы диссертации (см. с. 176), где отмечается, что в работах советских авторов 1920-х – начала 1990-х гг. можно выделить четыре периода в изучении истории советской психологии: в первый период (с конца 1920-х гг. до 1957 г.) – разработка главным образом в обзорных и «юбилейных» статьях основных положений историографической концепции советской психологии как особой науки; во второй период (1957-1963) – появление сборников статей и коллективных монографий, посвященных истории советской психологии; в третий период (1964-1975) – окончательное оформление историографической концепции советской психологии на монографическом уровне – в монографиях Е.А. Будиловой, А.В. Петровского и А.А. Смирнова; в четвертый период (1976-1993 гг.) – углубление и конкретизация сформированной на предыдущих этапах историографической концепции советской психологии как особой науки.

При ознакомлении с этими периодами хорошо видно, что историография истории советской психологии, являясь органической частью всей истории советской психологии, ранее фактически не изучалась. Устраняя этот существенный пробел, в диссертации С.А. Богданчикова наглядно демонстрируется, что изучать книги (монографии, учебники) по истории советской психологии можно (и нужно!) не только для того, чтобы извлекать из них определенные эмпирические сведения (относительно персон, событий, понятий, теорий и т.п.), то есть используя книгу как словарь или справочник, но и для того, чтобы извлекать из историографических источников определенную, заложенную в них (но не всегда выраженную явным образом) историографическую концепцию. Более того, в диссертации убедительно показано, что концептуально-историографический подход позволяет не только выявлять и анализировать имеющиеся концепции (других авторов, предшественников), но и сформировать собственную исследовательскую концепцию, осознать (отрефлексировать!) реальные основания собственных теоретических позиций. По диссертации хорошо видно (и это следует особо подчеркнуть), что в отношении к отечественной историографии советской психологии автор находит оптимальный баланс преемственности и критичности.

Однако здесь, в историографическом анализе (в изучении «истории вопроса») дело в значительной мере осложняется тем, что, выстраивая историю изучения истории советской психологии, то есть осуществляя историческую рефлекссию, диссертант, дойдя в своем анализе до постсоветского периода, то есть до начала 1990-х годов, сталкивается с непростой задачей изложить и оценить не только результаты других исследователей, но и свои собственные публикации, результаты и наработки, посмотреть на свое творчество как бы «сверху», «со стороны», то есть заняться **саморефлексией**.

И действительно, если смотреть по публикациям С.А. Богданчикова, то самая первая его публикация (в виде тезисов) относится к 1991 году, а первая серьезная работа (статья в журнале «Вопросы психологии») вышла в 1994 году, то есть свыше тридцати лет назад.

Это означает, что диссертант, приступив к изучению постсоветской историографии истории советской психологии, оказывается вынужденным обнаружить в этом периоде и проанализировать и свои собственные работы, начиная со своей кандидатской диссертации, защищенной в 1993 году, и соответствующих публикаций 1990-х годов, причем не только в журнале «Вопросы психологии» («Неизвестный Г.И. Челпанов», 1994; «Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта)», 1996; «Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова», 1998), но и в «Психологическом журнале» («Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты», 1996).

Насколько мы можем судить, в итоге выдвинутый подход позволил автору не только изучить историю вопроса и эксплицировать имеющиеся концепции, но и сформировать (выдвинуть, обосновать и затем продемонстрировать в деле) собственную исследовательскую концепцию, вписав ее в общий контекст отечественных историко-психологических исследований. С нашей точки зрения, это наглядно свидетельствует об актуальности, научной новизне, а также теоретической и практической значимости диссертационного исследования.

Еще одна ключевая идея, содержащаяся в диссертации – это проблема советской психологии и тесно связанные с этой проблемой понятия «советская психология» и «марксистская психология». Если в плане подхода и метода в диссертации на первом плане находится историографический анализ, то в содержательном плане, в качестве центральной проблемы (для решения которой и разворачивается метод) в диссертации является вопрос о том, что такое советская психология. Диссертант ставит этот вопрос, анализирует его и предлагает свое решение. При этом существенно важным представляется обнаруженное диссертантом различие понятия «марксистская психология» (сформировавшегося в 1920-е гг.) и понятия «советская психология» (появившегося лишь в середине 1930-х гг.).

Но, конечно, помимо проблем, связанных с изучением историографии и рассмотрением в историческом ключе понятия «советская психология», в целом в диссертации можно выделить, с нашей точки зрения, еще ряд ключевых проблем, понятий и идей, суммарная оценка которых определяет общую оценку работы. Мы имеем в виду принципиально важные для авторского подхода понятия, формулировки и рабочие термины исследования: «историографический анализ», «концептуально-историографический подход», «историографическая концепция», «советская психология», «марксистская психология», «особая наука», «репрессированная наука», «научное направление», «научная школа», «становление» (советской психологии), «источники», «условия» и «тенденции» становления советской психологии. Каждое из этих понятий можно рассматривать как определенную исследовательскую проблему, как повод для новых вопросов и размышлений, но, взятые в совокупности, они дают ясное и целостное представление об исследовательском подходе диссертанта.

Переходя к заключительным оценкам диссертации, наряду с позитивными оценками следует указать на некоторые содержащиеся в ней спорные моменты. Наши **критические замечания и вопросы** относительно вышесказанного, ни в коей мере не снижающие общее весьма благоприятное впечатление от рассматриваемой диссертации С.А. Богданчикова, мы суммируем в виде трех следующих пунктов.

1. В диссертации не показано подробно, каким образом при изложении общего представления о психологической науке в СССР в 1920-1930-е гг. выделяются шесть направлений (шесть «психологий») – объективная, субъективная, религиозно-философская, марксистская (она же – советская), психоанализ и психология установки. Также не показано в деталях, каким образом в этих направлениях, имевшихся в психологической науке в СССР 1920-1930-х гг., выделяются девять научных школ. Только для советской (марксистской) психологии дается краткая характеристика пяти научных школ (это школы К.Н. Корнилова, М.Я. Басова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и Харьковская школа); выделение остальных четырех школ, имевшихся в других направлениях – школ Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова и Д.Н. Узнадзе – в диссертации подробно не обосновывается.

2. В качестве основных источников (и соответствующих тенденций в развитии) советской психологии автор указывает субъективную и объективную психологию. Но остается не проговоренным и оттого непонятным, почему не учитываются и другие собственно психологические источники, например, такие направления, как советский психоанализ, а также зарубежные направления и школы – бихевиоризм, гештальтпсихология и другие, которые, безусловно, оказывали немалое воздействие на становящуюся советскую психологию.

3. Историографическую концепцию советской психологии как «особой науки» диссертант хронологически относит к советскому периоду, концепцию советской психологии как «репрессированной науки» – к постсоветскому периоду. Значит ли это, что авторская историографическая концепция советской психологии как научного направления фактически означает переход к следующему, «пост-постсоветскому» периоду? И если да, то в чем тогда заключается специфика этого нового периода?

Еще раз подчеркнем, что наши критические замечания и вопросы ни в коей мере не снижают общую высокую оценку докторской диссертации С.А. Богданчикова.

Общие выводы. Обобщая все вышесказанное, отметим, что рассмотренная диссертация и по форме, и по содержанию является самостоятельным, оригинальным и научно обоснованным

исследованием. Диссертация хорошо структурирована, написана на безупречном научном и литературном русском языке, материал изложен ясно, последовательно и логично. Диссертация не содержит заимствованного материала без ссылок на авторов и источники заимствования, в тексте диссертации присутствуют корректные упоминания соавторов работ.

Мы убедились, что в ходе исследования диссертантом были успешно решены все исходно поставленные задачи, были полностью доказаны положения, вынесенные на защиту, выдвинутая гипотеза подтверждена, цель исследования достигнута.

Представляя собой полноценный научно-квалификационный труд, диссертация С.А. Богданчикова является завершенной научной работой и соответствует паспорту научной специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Совокупность содержащихся в диссертации результатов и выводов можно квалифицировать как научное достижение, решающее крупную научную проблему, а именно, рассматриваемую в историко-научном ключе проблему советской психологии.

Таким образом, диссертация Богданчикова Сергея Александровича «Источники, условия и динамика становления советской психологии как научного направления в 1920-1930-е гг.» является законченной научно-квалификационной работой и полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, вследствие чего ее автор Богданчиков Сергей Александрович заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора психологических наук по специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Официальный оппонент:

профессор департамента психологии института
педагогике и психологии образования Государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
доктора психологических наук, профессор

И.Н. Семенов

04 сентября 2025 г.

Сведения о лице, подготовившем отзыв на диссертацию:

Фамилия, имя, отчество: Семенов Игорь Никитович

Ученая степень: доктор психологических наук (19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии)

Ученое звание: профессор

Место работы: Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ)

Занимаемая должность: должность: профессор департамента психологии института педагогики и психологии образования

Адрес места работы: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

Телефон: +7 (499) 181-24-62

Электронная почта: info@mgpu.ru